

ВРЕМЯ

Z

Цикл
Александра ПЕРЕСВЕТА
МСТИТЕЛЬ ДОНБАССА

Сын за отца отвечает
Воин империи
Вира кровью

Александр ПЕРЕСВЕТ

ВИРА КРОВЬЮ

Ленинград
издательский дом

2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
П27

Серия «Время Z»

Дизайн обложки *Владимира Ноздрина*

При оформлении издания использованы фотоматериалы
РИА Новости Медиабанка (*Михаила Воскресенского*)

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Пересвет, Александр

П27 Мститель Донбасса: Вира кровью: современная
отечественная проза / Александр Пересвет. — Москва:
Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград»,
2026. — 352 с. — (Время Z).

ISBN 978-5-17-163306-6

Начало 2015 года на Донбассе. Шаткое перемирие между подпавшей под власть нацистов Украиной и восставшими против нацизма донбасскими республиками — ДНР и ЛНР. Перемирие, в которое не верит ни одна из сторон. И оно действительно вскоре взорвётся — штурмом Донецкого аэропорта и мясорубкой под Дебальцево.

В центре этих событий оказался россиянин по гражданству и луганчанин по рождению Алексей Кравченко. Офицер и разведчик. В ЛНР он оказался вовлечён в целый водоворот различных событий — от большой политики до собственных личных конфликтов. Он карает убийц своего отца, он раскрывает киевскую агентуру в Луганске, он освобождает свою землю от нечисти, что пришла на Донбасс убивать людей только за то, что те не хотят жить в «незалежном» рейхе. Он собирает с врагов виру кровью. Но и платит за это свою цену...

Книга написана на основе реальных событий. Впрочем, все совпадения случайны.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-163306-6

© Александр Пересвет, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

Глава 1

Куда их везли, было не видно. Конвоиры не снисходили до объяснений. Но по всему выходило, что путь получался каким-то мудрёным. Сначала поехали в одну сторону, затем явно развернулись. Петляли, подпрыгивая на дороге, потом остановились.

Сергей Зайцев, писатель, что помоложе, попросился дать оправиться, а заодно пусть и руки перевяжут, а то отсохнут к чертям. Конвоиры поглумились некоторое время, похохатывая над собственными же плоскими шутками на тему, что сделают с «поганым москалём», ежели тот забрызгает им машину. Но потом несколько обдумались, позволили удовлетворить естественные надобности и даже сняли на время эти пластиковые держатели. Срезали, точнее говоря. Позволили размять руки, потом дали каждому по рёбрам — не очень сильно — и снова загнали в будку на колёсах.

Рук уже не связывали. Зато завязали глаза и строго предупредили насчёт того, чтобы не вздумали снять повязки.

Потом куда-то поехали, куда-то приехали. Куда-то повели.

Вокруг чувствовалось оживление. Судя по гнилоственному запаху давно не стиранной одежды, они находились в окружении солдат из ВСУ.

— Пленные, что ли? — обратился кто-то к их конвоирами.

— Больше! Четвёртую власть привезли! Журналистов!

— О! Это хорошо! Ох, и люблю же я пластать этих писак! Нагаечкой! Одно загляденье!

Говорят по-русски, хотя у второго явное украинское произношение. Не мягкое донбасское «гэканье», а такое глубинное, настоящее. Это что же, даже в карательных войсках на Донбассе русский язык у них является нормативным? Слышал про это, а тут наглядное подтверждение. Интересный фактик, надо будет использовать где-нибудь в репортаже.

Ага! Если он будет, репортаж тот. Пока что всё идёт плохо, ввинчиваясь в какую-то всё более глубокую спираль.

Ещё чей-то деловитый голос:

— Сепарские журналюги?

— Бери выше — россиянские!

— Ага-а! Дай-ка я хоть одного прирежу!

— Но-но, борзой слишком! Ценная добыча, до штаба ведём...

Что характерно, диалоги по-прежнему велись исключительно на русском языке...

Завели в какой-то дом, развели по разным комнатам, снова связали руки. Начали допра-

шивать уже всерьёз: «Кто такие?.. Кто послал?.. Зачем?.. Какое задание?..»

Били не сильно, но унизительно. Пощёчины отвешивали. Один «следователь» отчего-то щипаться начал, кожу выворачивать. Сильно, подлец, крутил, тут уж было больно по-настоящему!

Никакие ответы во внимание не принимались, каратели твердили одно и то же: «Никакой ты не журналист! У тебя поддельные документы. Ты — вражеский шпион». Ну, агент «Путина-Суркова» — это уже так, дежурно...

Видя, что Александр стоит на своём (а ещё бы, иное поведение грозило крупными неприятностями, вплоть до смерти, а смерть, как говорится, достаточно крупная неприятность), главный из допрашивающих начал психовать. Велел найти швабру, долго тряс ею перед носом задержанного, грозился вогнать её в зад по самое горло. Потом придумал идею получше, стал стращать казнью на колу:

— Тут у нас фронт, законы свои. Мы тут пару сепаров недавно на палю подсадили — ох, как они извивались! Долго умирали...

Потом и вправду распорядился подготовить кол, с наслаждением продемонстрировал его Александру.

В иной ситуации посмеялся бы, пожав плечами: обычной палкой с заострённым концом угрожают. Но сейчас было не очень смешно. Со всем не смешно было, если признаться. Как-то вот верилось, что укроп может реально воткнуть её в человека.

В каком-то фильме Александр видел, как казнили на колу. Действительно, сидит человек анусом на острие, сползает потихоньку вниз, пропарывая себе внутренности, а под ним пируют, смеются и поднимают бокалы его враги. Да уж, обидно так помирать. Унизительно...

Потом «следователь» куда-то вышел, вернулся злой. Сильно, жестоко пнул пленного носком берца по рёбрам. Александр слетел с табурета и некоторое время корчился в ногах у мучителей, не в силах даже набрать воздуха в лёгкие. «Блин, как больно-то! Если рёбра сломал, как мне — в условиях фашистского концлагеря с этим не выжить». А понятие фашистского концлагеря и поведение этих уродов вполне совпадали.

Они и были чистые эсэсовцы. Даром что по-русски говорили...

— Получи, гнида кацапская, — зло прохрипел допросчик. — За весь украинский народ получи... И радуйся, пёс, что забирают вас отсюда. Только не сильно радуйся: там вас допросят уже по-настоящему! Молить будете о смерти!

Честно говоря, Александр про себя уже решил, что и сопротивляться не будет ей, смерти-то. Преданный собственным начальством, оказавшийся в ситуации безвыходной, пригрозимый своими тюремщиками к чему-то явно позорному, он бы сейчас смерть и предпочёл.

Что есть смерть? Так, если по совести? Все мы, люди, как говорил кто-то, лишь мыслящая плесень, покрывающая планету. Покрываем её ше-

велящейся коркой из миллиардов себя, где каждый является не более чем клеткой и где смерть каждой клетки бесконечно важна для неё — и не существенна для этой самой плесени. Этакий получается интеграл, распадающийся на бесконечное множество бесконечно малых проявлений. И хотя для каждой личности она бесконечно велика, ибо бесконечно окончательна, но сама личность есть ничто на весах Бытия. Личность бесконечна лишь в себе и для себя.

Следовательно, смерть этого «ничто» на весах Бытия и является ничем. И значит, всё это запутанное уравнение сводится в итоге лишь к одному бесспорному решению: сделай так, чтобы в твоём бесконечно великом Личном ты имел право не стесняться своей смерти.

Как умер Саша Корзун...

И потому Молчанов был готов умереть сейчас. Не от слабости и отчаяния. От осознания беспомощности своей перед тем, что задумают сделать с ними нацисты. От невозможности не стать для них куском позорно извивающегося от боли мяса.

А они именно что-то задумали и хотят изобразить на них что-то очень низкое, но очень полезное для себя, для своей хунты, — в этом Александр был уверен уже на сто процентов. И смерть становилась не проявлением слабости и не жестом отчаяния, а последней возможностью смешать планы врагам, последним средством протеста. И борьбы...

Однако у поганных укропов были другие планы. Их, журналиста и двух писателей, снова согнали вместе, вновь перетянули руки сзади, пинками погнали к машине.

Ребята-писатели выглядели неважно: у Сергея заплыли оба глаза, из уголка рта протянулся ручеек крови, уже подсохший. Второй писатель, Фёдор, припадал на одну ногу и вообще как-то неестественно кособочился при каждом движении — то ли рёбра повредили, то ли что похуже, внутри что отбили. Молодые, их и били понастоящему, чтобы сломать. Сломали? Да нет, по поведению тюремщиков что-то незаметно. Ненавистью пышут, а не удовлетворением.

Запихали в машину, нарочно, по-садистски стараясь причинить новую боль. Куда-то опять поехали, подпрыгивая на ямах в асфальте. Видать, чужая машина, не жалко. Ур-роды, мать их! Дороги взялись бы тут переложить. Враз бы куча «сепаров» поменяла своё отношение к Украине. А то двадцать лет не делали ни черта, только соки из страны выжимали, а потом ещё и с войной пришли...

Минут через сорок снова остановились. Задержанных вытащили наружу, кинули лицом в снег. Поодаль ждала другая машина, минивэн или что-то в этом роде.

Каратели переговаривались, изредка смеясь и попинывая пленных ногами. Вслушиваться в их обмен мнениями не хотелось: пары первых реплик хватило, чтобы понять, что болтовня ни

о чём. Будто и не людей передают, а ящики с консервами. На Кавказе барашков так продают. Но здесь не Кавказ. Здесь был снег, холодно и опять больно вновь затянутым пластиковым ремешком рукам...

Дальше стало ещё большее, когда новые их «хозяева» сняли пластиковые петельки и сомкнули наручники. Причём так, чтобы металлическое окружье потеснее сомкнулось вокруг запястий, доставляя дикую боль при любом шевелении.

Похоже, боль подопечных — единственное, что по-настоящему радовало конвоиров. Когда Фёдор взвыл и начал просить ослабить стальной зажим, те стали, погогатывая, упражняться в остроумии на тему, что у всех свои инструкции, а «поганый москаль» должен выполнять инструкции, данные ему в ФСБ — расслабиться и не ныть, стойко перенося боль во славу Путина.

В остальном тюремщики выглядели на удивление индифферентно. Словно делали привычную работу. Впрочем, минут через двадцать заскучали, стали снова куражиться.

— Вы хоть знаете, шпионы, к кому вы попали? Все трое промолчали.

— Ну? — Понукание сопровождалось поощряющим к сотрудничеству пинком по рёбрам. Опять Александру.

— Без понятия, — буркнул он.

— Мы — ужас всех ватников и москальских оккупантов. Мы из батальона «Айдар».

Ясно. Значит, из «идейных» карателей. Да, тогда дело действительно худо. Эти не выпустят, пока не отработают по полной всю программу. И программа будет, похоже, весьма насыщенной — судя по тому, что о них говорят, изобретательные сволочи...

— А прежде мы у кого были? — равнодушно поинтересовался он.

Вопрос ни к чему — судя по обращению, все они тут одним миром мазаны. Сработал репортёрский инстинкт.

— Тебе-то какое дело, кацапчик? — хмыкнул тот же конвоир. Потом всё же ответил: — Тоже наши. Задержали вас наши, привезли к нашим, теперь тоже везём к нашим. Просто не туда отвезли споначалу...

Пауза. Только колёса бьются о рёбра дороги. У неё, небось, рёбра так не болят. И руки.

Потому конвоиры опять заговорили. Нацистам было то ли скучно, то ли, наоборот, они отработывали заранее обговорённый план по запугиванию пленных, но они стали глумливо вспоминать и хохотать.

— Одного, помню, в июле ещё захватили. Борзый сначала был, запырался. Так я ему штык-нож в бедро засунул и начал там внутри пластать, мышцу от мышцы отделяя. Загоню лезвие поглубже и покручу там. Ах, как он корчился, гадёныш!

— Живой? — лениво спросил второй из карателей.

— Живой, куда он денется. Я ж не зверь какой. Артерию бедренную не трогал. Отдали потом на обмен пленными. Только уж ходить он не мог. Да и вряд ли будет...

Вся четвёрка, включая водителя, довольно за-regотала.

— А мы одного сепара прямо в доме у него задержали, даже не прятался, сволочь! — начал вспоминать другой. — Отлично его потом поучили родину любить. Водичкой обливали и электрошокер втыкали. Как не сдох, сволочь, просто не знаю...

— А с ними иначе нельзя, с ватниками, — рассудительно проговорил третий. — Они ж человеческого языка не понимают. Вот мы одного прямо из больницы забрали, в Артёмовске. Указали добрые люди, что лежит там сепар с осколочными в груди. Ну, нормально, сперва подвесили за руки, помудохали дубинками по рёбрам, так, для разминки. Всё орал, что, мол, гады мы, фашисты, сволочи... А как ему по яйцам пару раз зарядили, сразу запел...

— Что, бабьим голосом? — глумливо поинтересовался первый.

Вновь хохот.

— Ну, почти. А он же висит, даже свернуться не может. Болеет весь, понимаешь. Заныл: мол, расстреляйте меня. Ну, я ему пистолет в рот засунул и выстрелил...

— О!

— Да нет, патрона не было. Вхолостую щёлкнул. Думал, обдрищется. Но нет, крепкий сепар оказался, отборный. Ничего, потом обдристался.

Мы его на двое суток в наручники — и в яму. Сидел там, под себя гадил. Воняло жуть!

— Они, ватники, все вонючие, — утвердительно прокомментировал первый. — Дикари москальские. И чё, помыли его потом?

— А то! Из шланга пожарного как наподдали, так едва к стенке не прилип. Но там, зараза, Мыкола Пузо — знаете его, жирдяй полтавский — получше не нашёл ничего, как ему провод бросить, из розетки прямо. Всех убить мог, урод! Говорил потом, мол, хотел сепара перетряхнуть как следует. Но тот уж не выдержал, кони прямо там, в луже, и двинул...

— Точно, помог сепару жирдяй, — сказал второй. — У нас, помню, одного так долго не отпускали. Задержали на блокпосту возле Попасной. Этих, чистоплюев-офицеров из ВСУ, рядом не было, и оформлять вату даже не стали. Хотя, может, он и не боевик был. Синяка на плече не было...

— Да ладно, — махнул рукой первый. — Все они тут сепары, предатели. Ежели призывного возраста — бери любого, не ошибёшься. Все свои уже оттуда уехали...

— Во, и наш тогдашний командир, Швед, убили его потом, так же рассудил. Отвезли мы сепара в расположение и стали допрашивать. Не разведчик ли, раз у блокпоста ошивается? Ну, побили, как водится, кровью харкать стал. Попрыгали по грудной клетке, попрыгали на спине — живучий, гад, оказался, только плакал всё. Расстрелять просил.

Но у нас дураков не было вроде Пуза того. Посадили его на подвале на трубу, приковали и стали ему кувалдой по пальцам ног бить. Не, точняк, не знал раньше, что люди так визжать могут!

Опять смех, довольный, сытый.

— ...Водичкой отливали, в себя приводили. Пока все пальцы не размозжили, не отпустили. Он уж после помер, когда перфоратором ему коленку сверлили. Но тут уж ничего не поделать было: доктор наш сказал — от сердца помер ватник, типа инфаркт. Слабоват оказался...

Александр не чувствовал ужаса, слушая эти рассказы. Ошиблись фашистёныши, не страшно было. Только омерзительно и... чувство, когда убить хочется тварь какую-нибудь гадостную, злую и опасную. Не из ненависти к ней даже, а из безразличности.

Он вспомнил, как разговаривал на эту тему с Глебом Добровым. Не вчера, раньше. Тот как раз кропотливо собирал все свидетельства о том, как обращаются с пленными на украинской стороне.

* * *

Это система, — рассказывал Глеб, с первого дня занимавшийся обменом пленных и собиравший их показания. Тех, что побывали на подвалах у карателей, под следствием, а то и под судом в «материковой Украине».